

О ГУДИМА Н. В. — ПЕШКОВА Е. П.

ГУДИМА Николай Васильевич. Получил высшее юридическое образование, служил присяжным поверенным. В 1905 — участник революционного движения в Ялте. Помогал переправе матросов-«потемкинцев» за границу. В 1918 — служил при Ревкоме, затем — в разных учреждениях в Ялте. 18 июля 1927 — арестован в Ялте, 29 ноября приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Северный край.

В июле 1928 — к Е. П. Пешковой обратилась его жена А. Гудима.

<Июль 1928>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите мне мою смелость еще раз обратиться к Вам с просьбой о деле мужа моего Ник<олая> Вас<ильевича> Гудима. Умоляю Вас, не откажите помочь нам. Клянусь Вам всем для меня самым святым — моими детьми, что муж мой ни в чем не виноват, что это какое-то несчастное стечение обстоятельств, нам неведомых, которое привело нас к такому горю. Положение наше сейчас отчаянно тяжелое. Этот страшный для нас год, с 18 июля 27 года, — разрушил всю нашу жизнь. 4½ месяца тюрьмы, землетрясение, которым разрушен дом, где мы жили, до такой степени, что он попал на страницы всех газет и журналов, ссылка, — все эти катастрофы разорили нас совершенно, разбросали семью на тысячи верст друг от друга. Н. В. не смог найти здесь ни места, ни работы, хотел быть счетоводом-бухгалтером в одной артели, вложил туда последнюю тысячу рублей наших сбережений, артель плохо идет. Н. В. теперь работает с утра до вечера простым рабочим, а вечерами как бухгалтер, и артель ничего не дала, и эту оплату рублей из нее взять нельзя! Положение наше отчаянное. Никто нам не может помочь сейчас. В Кинешме у нас есть сын, он, не попав в прошлом году по норме во ВТУЗ, служит зубным техником в Кинешме. Он зарабатывает до 140 руб<лей> в месяц службой и частной работой, но ему надо помогать сестре, у которой сейчас мало работы, и брату, моему младшему сыну, который едва поправился от тяжелой болезни, он пролежал в постели полгода. Семья у нас хорошая, если бы мы были вместе, то и здесь как-ниб<удь> с горем существовали; но и дети от нас за 1400. Я ничего не преувеличиваю, ничего не скрываю и ничего уже не боюсь — страшнее этого положения, в которое мы попали, только какая-нибудь ужасающая болезнь или смерть близких людей. Н. В. всегда такой бодрый, уже не знает, что делать. Помогите нам. И ссылка на Север не бывает такой страшной, если есть друзья, а без средств к существованию, не русский южный город, вдали от всех, кто знает Н. В., как честного работоспособного человека, — это страшная, медленная смерть и гибель не только нас, но и детей наших. Умоляю Вас, Екатерина Павловна, помогите Н. В. реабилитировать себя, тогда он м<ожет> б<ыть> своими усилиями, с помощью родных и знакомых, как-нибудь смог бы удержаться от гибели. Не считите меня навязчивой, я никогда ею не была, и только горе и отчаяние заставляют меня надоедать людям.

Уважающая Вас А. Гудима»¹.

4 ноября 1928 — Николаю Васильевичу, по ходатайству Помполита, ссылка была заменена на ограничение проживания на оставшийся срок (-6)². Он поселился с женой в Днепропетровске и вскоре сам лично обратился к Е. П. Пешковой.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 253. С. 285-287. Автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 238. С. 262-263.

«Гудима Николая Васильевича,
живущего в Днепропетровске по
Милицейской ул<ице> в доме № 3

Заявление

18 июля прошлого года я был арестован в г<ороде> Ялте и взят под стражу; 4-го ноября постановлением Особого Совещания ОГПУ я был осужден к лишению права проживать в 6 местностях СССР с прикреплением к избранному мной месту жительства.

Я предполагаю, что в мое дело вкралась какая-то ошибка. Мне предъявлено обвинение в агитации против Советской власти. Это обвинение не имеет никаких оснований, моя общественная работа сводилась всецело к содействию Сов<етской> власти и протекала в области профработы. Я был секретарем Культ<урной> комиссии, сотрудником стенгазеты, членом Рев<изионной> комиссии, делегатом на конференциях, постоянным докладчиком по ответственным вопросам. М<осковский> К<омитет> с ведома Правления Союза и в согласии с ком<мунистической> ячейкой неизменно поручал мне доклады, которые обычно происходили в клубе имени Томского при участии партийных товарищей. Я докладывал "О задачах Профсоюзов", "О 1905 годе", "О забастовке Английских углекопов", "О Нашей Газете".

Свою работу я понимал, как общественное воспитание для себя и товарищей по союзу, и содействие Сов<етской> власти путем проведения в жизнь плановых указаний, как общего, так и профсоюзного центров.

Это могут подтвердить член РКП (б) пред<седатель> союза Цирульников, члены союза Рабинович, Назарова, Фидлер.

Вся личная моя жизнь и обстановка, в которой я вырос, являлась естественной подготовкой к этой работе. Родился я в трудовой семье, жившей на содержание отца по службе, родители были люди революционно-настроенные, находившиеся в связи с южной революционной группой.

В профессии, которую я избрал себе, — адвокатуре, я никогда не ставил себе целью только свое личное благосостояние, но смотрел на нее так же, как на общественную работу, вел бесплатные защиты, участвовал в народных консультациях, вел политические защиты. Отношение мое к революции 1905 г<ода> было вполне твердое и определенное: забастовка Почтово-Телеграфных работников в Ялте проходила при моем непосредственном участии. Я протестовал открыто в газете против попыток крупной буржуазии сорвать забастовку, а эта забастовка протекала под особым вниманием жандармерии, так как Ялта считалась царской резиденцией. В 1906 году я был защитником в крупном политическом процессе в Ялте, так называемом "ялтинским погромом" — восстание в Ялте народных масс в 1905 году. В результате всего этого я был подвергнут административной высылке из Ялты постановлением известного генерала Думбадзе.

В дальнейшие годы я, живя в Ялте, был одним из учредителей лучшего по тому времени общественного учебного заведения. Это учебное заведение было создано в противовес царским министерским училищам, на первое место в нем была поставлена общественность, стремление аннулировать пресловутую "норму для иногородцев", дать возможность учиться детям неимущих классов.

Изложенное могут подтвердить член Общества Политкаторжан А. П. Прибылева-Корба, врач, писатель-общественник С. Я. Елпатьевский, а также оно подтверждается документами, которые находятся при делах ОГПУ.

Около 20 лет я прожил в г<орде> Ялте, из них 8 лет при Соввласти. Сначала я был прис<яжный> поверенный, затем служил при Ревкоме, в Юр<идическом> бюро, Загсе, Консультации, затем был правозаступником, защитником, последнее время служил во Взаимном Кредите в Ялте же.

Никогда никаким допросам, следствию или суду я не подвергался, что произошло в июле 1928 года мне неизвестно, за что я был арестован, мне также неизвестно ни из допроса, ни из предъявленного обвинения, т<ак> к<ак> кроме утверждения, что я занимался агитацией, мне ничего конкретного, указывающего на какие-либо факты, не было ни предъявлено, ни объяснено. Я ни в чем не изменился ко времени ареста 1928 г<ода>, не знаю за собой никакой вины, глубоко страдаю от этого обвинения и прошу пересмотреть мое дело, реабилитировать меня и отменить вышеуказанные ограничения в правах жительства, повлекшие крайне тяжелые последствия не только для меня лично, но и для моей семьи, совершенно необеспеченной материально при отсутствии моего заработка, причем жена моя не трудоспособна вследствие ее болезни — туберкулеза легких.

Н. Гудима»³.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 302. С. 23. Машинопись, подпись — автор.